

Глава 22. Битва в пещере Тигриного Пика

Вскинув голову, Цзан Е собирался было рвануться вверх вместе с Янь Хуайлином на руках, как вдруг своды содрогнулись — на них рухнул огромный валун.

Гвардеец успел отскочить на несколько саженей. Тяжёлый камень с глухим громом ударился оземь, намертво перекрыв путь назад.

— Господин... — прижавшись к груди Цзан Е, Янь Хуайлин отчаянно пытался выровнять дыхание, чтобы голос его звучал твёрдо. — Оставьте меня. Займитесь своей раной. В одиночку вы без труда выберетесь отсюда...

Цзан Е не ответил. Он ни на мгновение не ослабил хватки, прижимая юношу к себе.

Шагнув к завалу, он обнажил меч и ударил в самый центр каменной глыбы. Воздух пронзила мощная волна — техника «Земляного вала и абсолютной волны» разнесла валун вдребезги.

В вышине снова забрезжил свет из прохода, но не успел Цзан Е прыгнуть, как сверху хлынул новый поток грязи и камней. На этот раз лавина катилась непрерывно, заполняя пещеру гулким рокотом.

Путь был отрезан. Цзан Е оставалось лишь одно — уходить вглубь пещеры.

— Куда нам? — крикнул он сквозь грохот обвала. Правую руку гвардейца, сжимавшую меч, уже почти целиком залило кровью.

— За поворотом будет огромный грот... Там...

— Что там?!

— Господин... вашу рану нужно перевязать!

— Не важно.

— Если вы потеряете слишком много крови, то никакая стальная воля не спасёт! — хрипло выкрикнул Янь Хуайлин.

Цзан Е промолчал, лишь бросил на него короткий взгляд, прежде чем скрыться в огромном каменном чертоге.

Здесь рёв селя не доносился — глубина пещеры поглотила шум лавины. Цзан Е опустил на

колени, бережно устроил Янь Хуайлина на земле и мечом отсёк лоскут от своей одежды. Закусив ткань, он, преодолевая жгучую боль, рывком выдернул кинжал из плеча и, действуя одной рукой, туго затянул повязку.

К тому моменту, как гвардеец закончил, пот градом катился по его лицу.

— Господин, это лишь временная мера. Уходите один... у меня есть способ...

— Не говори глупостей, — в голосе Цзан Е прорезался гнев. — Если я решил спасти тебя, то не отступлю.

Не давая Янь Хуайлину возразить, он левой рукой снова притянул его к себе, крепко зафиксировав:

— Мы ещё не нашли все свитки «Хуаи-бу», так что не смей поминать смерть.

Зал, в котором они оказались, был просторным — идеальное место для тренировок. Тишина казалась абсолютной, но стоило Цзан Е осмотреться, как тусклые огни факелов вспыхнули с ослепительной яркостью.

Там, где секунду назад была пустота, возникли десятки теней.

Цзан Е инстинктивно заслонил Янь Хуайлина собой, положил ладонь на эфес и прищурился, глядя на незваных гостей.

Он быстро понял: это не просто пещера. Место напоминало тронный зал, высеченный в скале. Впереди высились ступени, по обе стороны которых застыли люди, а на самой вершине, на каменном троне, кто-то восседал.

Техника «Пленения души». Цзан Е осознал: из-за раны в плече он не успел прочесть «Заклятие Освобождения Души» и попал в иллюзорную ловушку адептов школы Цзюэ.

Мгновенно сосредоточившись на «Технике Успокоения Сердца», он развеял морок и обернулся к Янь Хуайлину, но с ужасом обнаружил, что сжимает в объятиях труп незнакомца. От осознания того, что он таскал на руках мёртвое тело, Цзан Е на миг оторопел.

Человек на троне смотрел на него как на забавную зверушку, лениво подперев подбородок.

Лю Сямин, стоявший по правую руку от трона, одарил гвардейца издевательской усмешкой:

— Господин Цзан, а вы с моим младшим братом Янь, я смотрю, очень близки. Надо же,

рискнули жизнью и в одиночку явились в нашу пещеру Тигриного Пика.

Боль в плече уже растекалась по всей спине, но лицо Цзан Е оставалось непроницаемым.

— Где молодой господин Янь? — голос его звучал пугающе ровно.

— Младший брат Янь вернулся в лоно школы Цзюэ, так что не стоит о нём беспокоиться. Он проделал долгий путь, притворяясь Хэйянем, лишь бы заманить вас сюда и вернуть себе былое величие в нашей секте.

Цзан Е молчал.

— Что, язык проглотил? — самодовольно бросил Лю Сямин.

Гвардеец обнажил меч и направил остриё прямо на трон:

— Повторяю: где молодой господин Янь?

— Ты и впрямь не угомонишься, пока не окажешься в гробу, Цзан Е...

Лю Сямин хотел добавить что-то ещё, но владыка на троне лениво вскинул руку, приказывая замолчать. Тот послушно склонил голову.

Человек в алом — роскошном, расшитом золотом одеянии — обладал красотой порочной и холодной. Бледная, как снег, кожа, изящно изогнутые брови и глаза феникса, в которых затаилась тьма. Каждое его движение дышало властью, заставляя окружающих казаться лишь бледными тенями.

Это был Дун Хуан, глава мастеров школы Цзюэ в Цзюньту.

Он опустил взгляд на гвардейца, ритмично постукивая длинными пальцами по каменному подлокотнику.

— Так это ты — Цзан Е, «первый меч в Поднебесной»?

Цзан Е не ответил, яростно глядя на противника. Дун Хуан лишь тонко улыбнулся:

— Хороший взор.

Слова ещё не затихли, а Дун Хуан уже исчез. Никто не заметил его движения — лишь

мелькнула тень, и вот уже он мягко, почти ласково коснулся шеи Цзан Е.

Гвардеец замер, ощущая чужое дыхание на своём лице. Дун Хуан рассматривал его с едва уловимой насмешкой.

— А ты и впрямь хорош собой.

В ту же секунду Цзан Е нанёс рубящий удар справа, но Дун Хуан уже отпрыгнул на добрый десяток футов, с лёгкостью уйдя из зоны атаки.

Движения Цзан Е были стремительны и смертоносны. Он мгновенно применил третью форму «Формулы меча тысячи драконов» — «Танец феникса в девяти небесах». В гроте поднялся вихрь, песок взметнулся в воздух, и из пламени соткался призрачный феникс, ринувшийся на главу школы Цзюэ.

Адепты в ужасе бросились врассыпную, освобождая центр зала. Возле трона остались лишь Дун Хуан, Лю Сямин и четверо лучших мастеров.

Феникс издал пронзительный крик, расправляя пылающие крылья, но Дун Хуан лишь взмахнул рукавом. Ловким движением он скрестил пальцы перед грудью, и несколько сгустков «Призрачного пламени» сорвались с его рук, ударив в птицу.

Алое зарево ада залило зал. Дун Хуан прошептал заклинание, и Цзан Е с ужасом увидел, как созданный его собственной истинной энергией феникс обрёл злую волю и, развернувшись, бросился на своего создателя.

Убрав один меч в ножны, Цзан Е взлетел по отвесной стене и выхватил парные клинки. Техника «Тысячи драконов, играющих в воде» обрушилась на призрачную птицу мощным потоком, подобным разливу сотни рек.

При столкновении двух сил зал наполнило густым паром. Серебристые искры и всполохи огня слепили глаза.

Не дожидаясь, пока дым рассеется, Цзан Е почувствовал, как Дун Хуан призраком возник сбоку:

— Твой отец, Цзан Чэ, перед смертью молил меня о пощаде...

Гвардеец рывком отпрыгнул назад, разрывая дистанцию.

— Цзан Чэ был велик в боевых искусствах, но и он пал перед магией школы Цзюэ...

Голос Дун Хуана гремел, нарастая с каждой секундой, проникая в самое сознание. Цзан Е понял: противник использует «Мелодию пленения души».

Гвардеец начал читать «Технику Успокоения Сердца», но едва он коснулся земли, Дун Хуан оказался рядом. Удар ладонью пришёлся прямо в раненое плечо.

— Слышал, старый зануда Е Чанлин наложил на тебя «Ледяной плен на тысячу ли»?

— Гх!.. — от дикой боли Цзан Е потерял равновесие и рухнул на камни.

Дун Хуан парил в воздухе, его глаза горели красным, а сам он демонически улыбался.

— Было бы жаль, если бы ты забыл события тех лет, — прошептал он и начал читать «Заклятие, разъедающее сердце».

Цзан Е, припав на одно колено, отчаянно пытался совместить в уме Заклятие Успокоения Сердца и Заклятие Освобождения Души, но магический шёпот Дун Хуана ввинчивался в уши, отравляя разум.

«Заклятие, разъедающее сердце» было страшным оружием. Оно пробуждало внутренних демонов, освобождало копившуюся годами злобу, заставляя духовные жилы вступать в конфликт с телом. Человек попросту уничтожал себя изнутри.

— Цзан Чэ на собственных глазах видел, как я убивал его жену, детей, соседей и лучших друзей... — голос Дун Хуана стал невыносимо громким в голове Цзан Е. — Перед смертью он, как побитый пёс, на коленях умолял меня пощадить лишь старшего сына. Тебя, Цзан Е. Герой своего времени подох в грязи, не стоив и ломаного гроша.

Гвардейца сдавило в груди невидимым прессом, он пытался удержать ускользающее сознание, но сопротивление казалось тщетным.

— Ты жив лишь потому, что твой отец сдох за тебя! — гремело в разуме. — Твоё существование — это ошибка!

Резкий кашель вырвался из горла Цзан Е вместе с кровью.

— Всё могло быть проще, — Дун Хуан мягко опустился на землю и подошёл к гвардейцу. Он грубо схватил его за волосы, заставляя поднять лицо. — Просто отдай свитки, и я прекращу твои мучения.

Его рука уже потянулась к одеждам Цзан Е, чтобы забрать свиток Янхуа.

«Я знаю, что вы связаны долгом, но заклинаю вас — не дайте этим записям попасть в руки злодеев».

Вспомнив наказ Е Чанлина, Цзан Е окровавленной рукой перехватил запястье Дун Хуана.

Тот лишь холодно процедил:

— Напрасные старания.

Дун Хуан хотел стряхнуть его руку, но гвардеец сжал его руку подобно стальным тискам. В ту же секунду ледяной холод начал сочиться из ладони Цзан Е, расплзаясь по коже главы школы Цзюэ.

Дун Хуан вздрогнул. Он понял, что на него обрушилась мощь «Полёта десяти тысяч снежинок». Мгновенным ударом в грудь он отбросил Цзан Е на несколько сажений.

Ударившись о каменную стену, гвардеец снова сплюнул кровь. Правое плечо окончательно онемело, рука висела плетью.

Левой рукой он выхватил меч, собираясь вонзить его в землю для опоры, но в него уже летело «Пламя, обжигающее сердце».

Ноги не слушались. Цзан Е застыл, не в силах шевельнуться — он понял, что Дун Хуан применил «Технику Призрачного Трупa». Огненная волна накрыла его тело.

— А-а-а! — дикий крик боли вырвался из груди.

«Техники школы Цзюэ направлены на то, чтобы сокрушить волю. Наша же магия — это сердце, это дух самой природы. Мы укрощаем внутренних демонов, гасим пламя раздора, слушаем голос небес и земли, превращая хаос в тишину, а муть — в чистоту».

Сквозь пелену безумия в сознании всплыли слова старца Фэна, сказанные на горе Ледяного Клинка.

Тогда, в снегах, ему было легко применить «Ледяное сердце в нефритовом кувшине», ведь его внутренний демон был надёжно запечатан. Теперь же всё изменилось — Дун Хуан сорвал печати Е Чанлина.

Вихрь чувств, которые он годами подавлял, вонзился в самое сердце:

Что случилось с Янь Хуайлином?..

Как уберечь свитки?..

Что делать, если печать учителя разрушена?..

Как одолеть Дун Хуана?..

Как отомстить за гибель родных?..

Эмоции захлёстывали его, подобно штормовым волнам, грозя поглотить разум. Каждый человек носит в себе демона, но одни живут с ним в мире, а другие сгорают в его пламени. Если гнев не утихнет, демон обернётся зверем, и тогда хозяина ждёт лишь безумие или смерть.

Цзан Е до последнего цеплялся за остатки самообладания.

«Вторая форма зовётся "Абсолют тысячи гор". Одинокая вершина в вечных снегах, тишина небес, где умолкает всякое эхо. Снежная чистота пресекает злой шёпот, а ледяная воля гасит пламя демона».

Внезапно в хаосе мыслей вспыхнул образ.

Янь Хуайлин стоит у открытого окна, залитый утренним светом. Он оборачивается и улыбается.

«Господин, вы проснулись?»

В сердце будто опустился прохладный туман. Голоса, терзавшие разум, начали стремительно отступать, подобно отливу.

Одежда уже тлела, но Цзан Е сделал глубокий вдох посреди пламени.

Снегом пресечь морок.

Холод потёк из его ладоней. Гвардеец закрыл глаза, позволяя технике «Полёта десяти тысяч снежинок» обрести полную мощь.

Льдом погасить огонь.

Ледяная стужа расплзлась по телу, достигла груди и начала медленно утишать невыносимую, жгучую боль.

Дун Хуан, глядя на Цзан Е, окружённого огнём, обернулся к Лю Сямину:

— Лю Сямин.

— Я здесь, учитель.

— Забери свитки.

— Слушаюсь.

Лю Сямин рванулся к пламени. Но стоило ему протянуть руку к одежам гвардейца, как его запястье перехватило нечто ледяное.

Он вскрикнул, осознав, что это рука Цзан Е.

В то же мгновение огонь погас. Вместо него из тела гвардейца вырвался яростный снежный буран. Снежинки, подобные лепесткам, но смертоносные, как лезвия, ударили Лю Сямину в лицо. Тот с воплем отпрянул.

Свод пещеры содрогнулся. Золотое сияние озарило чертог, и крики множества фениксов заполнили пространство. От этого звука адепты школы Цзюэ падали на колени, зажимая уши.

«Феникс ведёт девять птенцов». Девять огненных птиц соткались из снежного вихря и обрушились на Дун Хуана стремительным потоком света.

Буран нарастал, скрывая всё из виду. Дун Хуан отчаянно защищался, но мощь красных фениксов была неумолима. Скрипя зубами от боли и ярости, он начал плести пальцами сложнейшее заклятие.

«Огонь сердца лотоса» вырвался из трещин в полу, устремляясь к Цзан Е. Однако пламя не смогло подойти ближе чем на три фута. Невидимый кокон защищал гвардейца — техника «Ледяное сердце в нефритовой кувшине» стояла незыблемо, как великая гора.

Дун Хуан вздрогнул. «Неужели он побывал у Фэн Шуцзюня в Чжибу?!»

Поняв, что обычными средствами гвардейца не взять, он решился применить последнюю, запретную форму — «Крик совы и вой призраков».

Это было призывание теней преисподней, способное разорвать любую тишину и выпустить на волю самые чёрные желания сердца. Дун Хуан ещё не овладел этой техникой в совершенстве — риск сойти с ума был огромен. Но гордость не позволяла ему признать превосходство

духовных практик над его магией.

Дун Хуан рванулся вперёд, навстречу ледяному ветру. Взмахнув рукавами, он ударил ладонями в защитный кокон Цзан Е.

Алое пламя начало просачиваться сквозь лёд. Тени завывали в ушах гвардейца с новой силой, он мучительно нахмурился.

Дун Хуана вырвало кровью, но он не прекращал заклятие. Магический рёв внутри кокона стал невыносимым, тело Цзан Е задрожало, он тоже сплюнул тёмную кровь, смертельно побледнев.

Понимая, что если не отбросить врага сейчас, то смерть неизбежна, Цзан Е опустил в позу лотоса. Раскинув руки, игнорируя сочащуюся из ран кровь, он применил «Ледяной плен на тысячу ли».

Огромное ледяное дерево начало расти прямо из его тела. Ветви из чистого инея потянулись от пальцев, плеч и колен, оплетая пространство и устремляясь к Дун Хуану.

Снег вытеснил огонь. Дун Хуан, задыхаясь, отпрянул и упал на колено, прижимая руку к груди.

А ледяное дерево продолжало расти. Буран резал кожу до крови. Дун Хуан в отчаянии ударил ладонями по полу, заставляя огненные лотосы распускаться в снегу.

Зал разделился надвое: на одной половине царила вечная мерзлота Цзан Е, на другой — бушевало пламя Дун Хуана. Весь мир содрогался от этого столкновения.

Цзан Е чувствовал, что силы на исходе, и он вот-вот лишится чувств. Но перед глазами стояло лицо отца — измученное, но полное решимости не сдаваться до последнего вздоха. Это придало ему сил.

Ледяное дерево рванулось вперёд с новой силой, покрывая стены и пол причудливыми морозными узорами.

Дун Хуан видел, как пламя гаснет. В ярости он, забыв о ранах, бросился прямо сквозь снежные лезвия к самому лицу гвардейца.

— Учитель! — закричал Лю Сямин и, призвав «Призрачное пламя», бросился на помощь, выкрикивая приказ оцепеневшим адептам: — Чего встали, идиоты?! Убейте его!!!

Десятки заклинаний «Призрачного пламени» и «Пламени, обжигающего сердце» со всех сторон ударили в ледяное дерево Цзан Е.

Гвардеец содрогнулся от колоссального давления, кровь снова хлынула из его рта, но воля его была непоколебима. Он не мог упасть здесь.

Ударом ладони оземь он вытолкнул парные мечи из ножен за спиной. Поток истинной энергии заставил их вонзиться в камни.

«Сухое дерево встречает весну». Мощные лианы рванулись из земли, устремляясь прямо в гущу огня.

Лю Сямин, подхватив раненого и обезумевшего от отката техники Дун Хуана, проорал:

— Цзан Е, тебе конец! Дерево в огне лишь быстрее сгорит, ты что, даже этого не понимаешь?!

По его знаку мастера школы Цзюэ разом ударили по лианам магией пламени.

Но Цзан Е, истекая кровью, лишь крепче сжал пальцы, управляя бесчисленными стеблями. Лианы оплели ледяное дерево, превращая его в исполинскую сеть.

И когда адепты уже были готовы праздновать победу, гвардеец вскинул руки:

— «Обновлённое солнце и бьющий источник»!

Мгновенно все лианы, заполнившие пещеру, обратились в бушующие потоки воды. Оглушительный рёв водопада поглотил треск пламени. Вода мгновенно затопила зал, гася всякий огонь.

— Проклятье! Уходим! — заорал Лю Сямин. — Вы что, утонуть здесь хотите?!

Вода стремительно поднималась, доходя уже до пояса. Адепты в панике бросились к выходу.

Цзан Е всплыл на поверхность. Тело его почти не слушалось, сознание меркло, но увидев, что Лю Сямин тащит Дун Хуана к проходу, он из последних сил выхватил меч, направляя его вдогонку.

Однако прежде чем он успел нанести удар «Рёвом тигра и стоном дракона», Дун Хуан сделал слабый жест рукой. Какая-то тень метнулась вперёд, становясь живым щитом на пути клинка.

Цзан Е мгновенно узнал это лицо и в ужасе остановил удар. Новая волна боли и судорог сотрясла его тело, он снова закашлялся кровью.

Пользуясь заминкой, Лю Сямин скрылся в проходе вместе с главой школы.

Гвардеец смотрел на безжизненное тело, качающееся на волнах. Это был Янь Хуайлин, он был без сознания.

С трудом преодолевая онемение конечностей, Цзан Е поплыл к нему. Но едва он коснулся юноши, как вход в пещеру с грохотом обрушился — беглецы взорвали свод, завалив его камнями.

Сквозь толщу скал донёлся глумливый голос Лю Сямина:

— Цзан Е, раз не отдаёшь свитки — подыхай там! Когда вы утонете, мы вернёмся и заберём их!

От ярости и бессилия кровь снова прилила к горлу.

Цзан Е понимал, что демон внутри него рвётся на свободу. Превозмогая слабость, он из последних сил заставил свой разум замолчать. Обхватив Янь Хуайлина, он с трудом вытащил его на единственное сухое место — к каменному трону на возвышении.

Уложив юношу, Цзан Е без сил рухнул рядом и забылся тяжёлым, похожим на смерть сном.

<http://bllate.org/book/17493/1712875>